

НЕ УМЕРЛА НАША НАУКА!

(АЛЕКСАНДР СОСЛАНД. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА, ИЛИ КАК СОЗДАТЬ СВОЮ ШКОЛУ В ПСИХОТЕРАПИИ. М.: «Логос». 1999. 368 с.)

В.РУДНЕВ*

Книга Александра Иосифовича Сосланда, вероятно, не может не вызывать противоречивых оценок и мнений. К сожалению, рецензент данного труда – не психолог и не психотерапевт, а философ науки и культуры (его перу принадлежат, в частности, и несколько работ по философии психиатрии и психоанализа). Поэтому компетентно оценить рецензируемый труд он сможет, прежде всего, с точки зрения его научной новизны и оригинальности.

Томас Кун в известной книге «Структура научных революций» разделяет так называемую нормальную науку и новаторскую. Нормальная наука работает с уже имеющимися теориями, разрабатывает конкретные факты и детали. Новая наука предлагает смелые концепции, которые ученым, особенно, представляющим «нормальную» науку, нередко кажутся дерзкими и вызывающими.

Вспомним хотя бы, как был принят в штыки психоанализ в начале нашего века, какими невероятными казались первые исследования по квантовой механике, как откровенно смеялись над авангардными работами русских филологов, представителей формальной школы. Теперь это классика.

Так что не будем торопиться с выводами.

Скажем откровенно, работа А.И.Сосланда кажется нам не просто первоклассным исследованием по метапсихологии, но и исследованием, открывающим новые горизонты науки будущего. Понимая, что такое заявление звучит слишком громко, мы попробуем обосновать его.

* Руднев Вадим Петрович – доктор филологических наук, ответственный секретарь философско-литературного журнала «Логос», преподаватель Московского института психоанализа.

Огромное количество школьных психотерапий, которые расплодилось на Западе за сто лет развития этой области, как ни странно (впрочем, в свете концепции автора рецензируемого труда это, скорее, не странно), не повлекло за собой какого-либо мало-мальски систематического описания и систематизации. Эта первая и главная задача, которая блестяще выполнена в книге Сосланда.

Разумеется, факт возрастающей популярности психоанализа и всевозможных западных психотерапий в сегодняшней России – от классического, как говорили при советской власти, «фрейдизма» и не менее классического юнгианства, психофилософии Лакана до различных экзистенциально-ориентированных психотерапий, гештальттерапии, трансперсональной психологии Грофа, по которой у нас обмирали в начале 1990-х годов, и наконец наиболее, пожалуй, популярного сегодня нейро-лингвистического программирования, – может вызывать в этой связи недоумение. Что же это, в самом деле, за обскурантизм, – ругать все подряд! Но для того, чтобы построить новый дом, нужно расчистить место для фундамента. Этой-то задачей и занялся А.И.Сосланд.

Ведь, признаемся, – ситуация в *отечественной* психотерапии не столь уж блестяща. Мы адаптируем опыт западных школ, адаптируем, порой, не учитывая или плохо учитывая отечественный «человеческий фактор». Но развитых и эксплицитно заявленных в качестве оригинальных отечественных психотерапевтических школ (за исключением терапии творческим самовыражением М.Е.Бурно) у нас практически не существует. Поэтому задача критического осмысления западного наследия чрезвычайно важна и актуальна.

В сущности, шокировать в рецензируемой книге могут три вещи:

1. Жесткая критика в адрес авторитарности психотерапевтических школ.
2. «Навороченная» терминология, которую автор использует при описании психотерапевтического метода и психотерапевтической акции.
3. Игры в виртуальную психотерапию.

Все остальное не может не вызывать притяия и уважения. Впервые дано научное *структурное* описание психотерапевтических школ. Много ли мы знаем таких описаний в науке вообще?

Важно подчеркнуть, что А.Сосланд – не только психотерапевт и теоретик психотерапии, но и, безусловно, философ. Его знакомство с трудами Куна, Тойнби, Хайдеггера, Бодрийара, Лиотара и Фуко, вполне фундаментальное, не оставляет в этом никакого сомнения. Философской представляется и основная критическая установка исследования. Вспомним, что названия трех основополагающих книг Канта начинались словом «Критика».

Я полагаю, что главными в книге Александра Сосланда являются две идеи. Первая и, на мой взгляд, «побочная» (хотя, возможно, автор не согласится со мной) состоит в том, что все без исключения

психотерапевтические школы создаются и работают, в первую очередь, не в интересах пациента (клиента), а в интересах самого психотерапевта. Эту мысль я не считаю главной не потому, что она кажется мне неправильной. Напротив, она представляется вполне очевидной. Необычно, скорее, то, что автор высказывает ее публично, то есть пользуется приемом Гамлета, когда тот заявляет Полонию в глаза, что у стариков морщинистые лица, хилые икры и т.д. Иначе говоря, сам факт публичного произнесения или даже просто произнесения вслух этой идеи (о том, что все психотерапевты – авторитарные, нарциссические и амбициозные харизматики), на мой взгляд, чрезвычайным образом скандализует ее.

Но хотя для меня данная идея очевидна, я допускаю, что, скорее всего, психотерапевты (особенно, старой советской школы) скажут, что эта книга есть не что иное, как клевета на самую гуманистическую профессию в мире, и самое интересное состоит в том, что по-своему они будут правы. Психотерапия в целом, конечно, полезная и гуманная вещь, особенно если ее сравнить, к примеру, с эксплицитной тоталитарной практикой концлагерей, принудительного лечения в психиатрических клиниках и прочих тоталитарных прелестей. Но ведь *любая* деятельность, по определению, является всегда, кроме всего прочего, *и* удовлетворением амбиций того, кто действует. Так, Альберт Швейцер лечил прокаженных, считая, что безнравственно заниматься философией и играть на органе, когда где-то далеко страдают люди, но при этом он также удовлетворял свои харизматические амбиции. Просто такие у него были хорошие амбиции. Мы все любим читать З.Фрейда и Ю.М.Лотмана, хотя при этом многие знают, что это были харизматические монстры, не терпевшие рядом с собой никакого хоть сколько-нибудь самостоятельного проявления мысли. Значит ли это, что психоанализ и структурная поэтика – это не гуманистические дисциплины, а лишь сплошное удовлетворение амбиций? И да, и нет.

С другой стороны, бизнесмен, «капиталист», цель которого – эксплицитно удовлетворить свои ненасытные амбиции, связанные с обогащением и наживой, тем не менее, объективно приносит пользу обществу, способствует развитию экономики. Более сложный пример – политика. Эта область близка к психотерапии. И здесь и там манипулируют сознанием людей. И здесь и там любят говорить о гуманности и помощи людям. И в том и другом случае даются обещания (вылечить – больного или экономику, искоренить коррупцию, поднять уровень благосостояния, снизить рост преступности и т.д.), которые, как правило, выполняются далеко не всегда. Но ведь политик *ex definicia* не может быть нехаризматичным и неамбициозным, иначе его просто не станут слушать. То же самое относится и к психотерапевту. Он не злодей и обманщик, но он всегда в той или иной степени лицемер. Представьте себе психотерапевта, который говорит клиенту на прелиминарной сессии: «Знаете, голубчик, больны вы неизлечимо, будущее ваше ужасно; я,

конечно, могу попробовать, но, откровенно говоря, надежды мало. Конечно, у вас все равно нет выхода, так что если располагаете лишними деньгами, давайте попробуем, чем черт не шутит, вдруг получится что-нибудь, напишу тогда статью, как вылечил совершенно безнадежного клиента, глядишь, прославитесь. И вам хорошо будет, и ко мне клиенты потекут рекой. Так что, почему ж не попробовать». Но так с клиентами не говорят. Разве что, в очень редких случаях, потому что таких циничных, честных, умных и смелых психотерапевтов (и клиентов) почти не бывает.

Ради объективности следует, впрочем, заметить, что картина борьбы амбиций и харизматическая «мышинная возня» – действительно характерны для таких институций XX века, как психоанализ, психотерапия, политика и филология (литературоведение в большей степени, чем языкознание). Вероятно, характерны они и для историков, психологов и юристов, то есть это закономерность – универсальная, практически, для всех гуманитарных наук и изящных искусств. Все же, видимо, в естественных науках, особенно экспериментальных, требующих коллективных усилий для достижения результата, харизматический авторитарный элемент либо приглушается, либо проявляется как-то иначе. Нильс Бор, глава копенгагенской школы квантовой механики, был, безусловно, харизматическим лидером, но его заслуга как раз состояла в том, что он *объединял* вокруг себя наиболее талантливых людей со всего мира, чтобы проблема была решена (см., например: *Гейзенберг*, 1987), а не гонял таланты и не применял санкций к непокорным ученикам, как это делали З.Фрейд, последователи Н.Я.Марра и Ю.М.Лотман.

И все же гораздо более важной и фундаментальной в книге Александра Сосланда мне представляется ее *позитивная* часть, обоснование того, какими должны быть психотерапевтический метод и психотерапевтическая акция, для того чтобы стать наиболее успешными и эффективными в своих харизматических авторитарных стремлениях. Эта часть книги и исследует собственно «фундаментальную структуру психотерапевтического метода». Выражение «фундаментальная структура» можно заменить *salva veritate* термином «морфология». Несомненно, что одним из источников методологии, примененной в рецензируемом труде, является методология В.Я.Проппа, эксплицированная последним в тексте, известном как «Морфология сказки» (*Пропп*, 1969) (термин «морфология» в этом значении восходит к «Учению о цвете» В.Гете).

Какова же «фундаментальная структура психотерапевтического метода»? Этот раздел книги состоит из трех частей. В первых двух рассматривается психотерапевтическая школа как нечто целостное, как *структура* с набором необходимых компонентов. Выявление этих компонентов и составляет основную задачу исследования. *Подобное исследование психотерапевтического метода совершатся впервые за все сто лет развития психотерапии* (если вести отсчет от психоанализа).

Первое соображение, которое мы хотим высказать в связи с этой

позитивной частью книги, касается истоков применяемой в ней методологии. Это, безусловно, в широком смысле *структуралистская* методология. Отсюда стремление автора к четкости формулировок, сосюрская дихотомия синхронического и диахронического подходов к изучению объекта, стремление к полноте и исчерпанности описания.

Отсюда же и важность фигуры В.Я.Проппа, одного из первых русских (пред)структуралистов, и идеи морфологии. Говоря в целом, метод, применяемый Александром Сосландом, можно назвать *неоструктуралистским*. Это означает, что характерное для структурализма стремление к точности определений и аксиоматичности шагов существует на фоне постструктуралистского осознания того, что любая типология, любая теория, любое интеллектуальное построение может быть подвергнуто деконструкции. Отсюда характерная «романтическая ирония» автора, олицетворяющая осознание тщетности любого, пусть самого правильного и добросовестного исследования. Отсюда же и одна из наиболее характерных особенностей научного стиля книги, которая состоит в том, что автор все время балансирует на границе двух типов дискурсов: серьезного академического труда и постмодернистской игры, где шаг в сторону равносильна попытке к бегству. На наш взгляд, такая попытка в конце книги все же делается, когда автор по своим рецептам сочиняет несколько вымышленных (виртуальных) психотерапевтических школ. Несмотря на то, что эти описания весьма последовательны и остроумны, все же их можно расценить как крен в тот постмодернизм, который производит впечатление игры на понижение. Ибо тот трагикомический катарсис, который создает основной раздел книги своим серьезно-ироническим выводом: психотерапевтический метод создать легко, стоит только последовательно применить подробно описанные в книге приемы, – этот катарсис уничтожается, когда последнее тут же демонстрируется со всей наглядностью. Граница фундаментальной науки (со всеми оговорками) здесь переходится, и автор оказывается на бескрайнем постмодернистском поле, где ему приходится играть в совершенно другую языковую игру. По-видимому, потенциальное – интереснее уже выполненного, сколь бы элегантно ни было это последнее. На мой взгляд, надо было либо остановиться, предложив читателю проделать все это самому, либо «сочинить» серьезную эклектическую психотерапию – позитивную альтернативу авторитарных школьных психотерапий (насколько можно понять, именно в эклектизме – в сущности, в современной культуре это синоним понятия «междисциплинарность» – автору видится выход из авторитарно-харизматического тупика, да это и очевидно, поскольку сейчас в гуманитарной сфере, действительно, может выжить только эклектический метод). Но подобная задача в планы автора явно не входила. Он решил по-другому.

Второе наше соображение заключается в том, что достоинство той

морфологии психотерапевтического метода и психотерапевтической акции, которая представлена в книге, заключается в том, что она в определенном смысле является *порождающей моделью* (подобно модели Проппа, теории генеративных грамматик и семантик Хомского и его последователей, а также генеративной поэтике Жолковского-Щеглова), то есть такой научной моделью, которая в принципе должна позволять отграничивать правильно построенные речевые цепочки от неправильных и на основе этого «порождать», то есть искусственно моделировать бесконечное множество правильно построенных предложений. Последнее обстоятельство закономерно объясняет стремление автора продемонстрировать искусство синтеза виртуальных психотерапевтических методик. Но синтез, «порождение», – это именно искусство, это прикладной аспект теории. Гораздо более фундаментальной задачей генеративных моделей является *анализ* – описание механизма разграничения правильно и неправильно построенных цепочек, ведь только после этого возможно построение их новых экспериментальных вариантов. Иначе говоря, для генеративной теории гораздо важнее понять механизм, в соответствии с которым можно формализовать восприятие предложения «Мальчик ест мороженое» как правильно построенного, а предложения «Мальчику ело мороженным» как построенного в грамматическом смысле неправильно, чем на основании вскрытия этих механизмов реально создавать компьютерные программы, умеющие строить бесконечное количество правильно построенных предложений.

И вот, в сфере более гуманитарной (что весьма характерно!) построить новую цепочку гораздо проще, чем понять отличие правильно построенной цепочки от неправильно построенной: в таких областях, как нарративное искусство или человеческое поведение, понятия правильного и неправильного чрезвычайно трудно формализовать. Поэтому и существует то, что можно назвать негативным «эффектом Проппа», который заключается в том, что на основе пропповской модели гораздо легче сочинить новую сказку, чем проанализировать уже существующую. При анализе реального материала методика сразу начинает давать сбои, потому что реальный материал оказывается на порядок богаче модели, а формализованность этой модели, в значительной степени, оказывается мнимой, то есть теория гораздо более тесно слита с личностью того, кто ее придумал, чем это кажется на первый взгляд. Попробуйте проанализировать волшебную сказку по Проппу – и вы убедитесь, что это почти невозможно. Впрочем, нечто похожее как будто бы имело место в квантовой механике середины XX века (я имею в виду так называемое «соотношение неопределенностей» Гейзенберга, философский смысл которого состоит в том, что экспериментатор оказывает настолько решающее влияние на результат эксперимента, что сам должен рассматриваться как часть этого эксперимента) (Гейзенберг, 1987). Поэтому и автору рецензируемого труда психологически легче и забавнее

было строить новые виртуальные модели по заданным им же алгоритмам, чем строить эти самые алгоритмы. На наш взгляд, именно анализ, построение алгоритмов, то есть рассмотрение того, почему именно такие компоненты необходимы для психотерапевтического метода и психотерапевтической акции и почему они должны идти именно в такой последовательности, является *основным научным вкладом* автора в философию психотерапии (если таковая до этого существовала, а если не существовала, то вкладом в нее является ее создание). Другими словами, теорию, разработанную в книге Александра Сосланда, можно считать вполне формальной и вполне порождающей, если с ее помощью можно проанализировать конкретную «психотерапевтическую сказку». По-видимому, автор счел это само собой разумеющимся, и поэтому такого целостного анализа не представил. То есть он не взял, к примеру, трансактный анализ Берна, НЛП'истскую психотерапию Бэндлера и Гриндера, логотерапию Франкла и, положим, клиент-центрированный подход Роджерса и не показал, что они в принципе *не могут не следовать* тем универсальным морфологическим принципам, которые он в своей книге так блестяще эксплицировал. И более того, он не сделал и следующего шага: не показал, что не-следование некой конкретной психотерапией этим принципам превращает ее в «неправильную» психотерапию в «неправильно построенную цепочку». Я думаю, что простота такого построения является мнимой в той же степени, как и мнимая простота анализа волшебной сказки по методике В.Я.Проппа.

Наше третье соображение касается интерпретации того обстоятельства, почему автор книги для обозначения компонентов психотерапевтического метода демонстративно использует терминологические неологизмы: *архиниция* – «концепт или понятие, обозначающее некий момент начала развития личности, некую исходную точку, от которой идет развитие личности»; *эвольвенция* – «какие стадии в своем развитии проходит личность» (от лат. *evolvo* – разворачивать; каждому подобному термину дается исчерпывающая этимология). Части метода или акции, обозначенные подобными терминами, образуют цепочки с однонаправленной зависимостью. Подобно тому, как в модели Проппа вслед за «отлучкой» родителей из дома следует «нарушение запрета» выходить из дому, но никак не наоборот, так и в модели Сосланда: «Уж коль ты обзавелся архиницией – изволь к ней присовокупить эвольвенцию, иначе твоя теория неизбежно будет вызывать ощущение неполноты».

Далее – *купидо* – обобщение понятия «либидо» («желание, стремление, влечение» – сексуальное, «властное», садистское, любое).

Далее – *обстанция* – «сумма факторов, представляющих определенное препятствие на пути желаний индивида и рассматриваемых в школьной теории как нечто, безусловно, вредоносное. В первую очередь речь идет о чем-то таком, что мешает пациенту-протагонисту реализовать

свое купидо. В модели Проппа «обстанции», несомненно, соответствует «вредительство» (функция VIII в «Морфологии сказки»). Ну, и так далее.

Может возникнуть вопрос. Прекрасно. Последовательно и умно – замечательная морфология, классная фундаментальная структура. Но к чему эта словесная эквилибристика? Но здесь как раз все очень просто. Это вполне обычное структуралистское стремление не использовать имеющиеся слова, отягощенные множеством обыденных коннотаций, а вводить новые термины, очищенные от последних. Тридцать лет назад над русскими структуралистами потешались, что они используют такие слова, как «релевантность», «амбивалентность», «имманентный», «пресуппозиция», «коммутация», «компрессия» и так далее. Но вот, например, Луи Ельмслев, датский структуралист, создатель так называемой глоссематики, наиболее абстрактной и логически совершенной ветви классической структурной лингвистики, весь свой трактат «Пролегомены к теории языка» (Ельмслев, 1960) строит на последовательном введении новых терминов по принципу, в соответствии с которым значение последующего термина производно от значения предыдущего (то есть так, как строятся классические трактаты по геометрии и формальной логике). Если же вспомнить основателя семиотики, прагматики, логической семантики и логически ориентированной философии языка Чарльза Сандерса Пирса, то мы встретим у него такие термины-монстры, как *свадисигнум*, *децисигнум*, *предикабилия*, *кафолический* и т.п. (Пирс, 1983), по сравнению с которыми Сосландовы «обстанция» и «эвольвенция» кажутся знакомыми и родными словами (И ничего. Люди терпели.)

Таким образом, вводя свои термины-неологизмы, А.Сосланд, с одной стороны, просто следует структуралистско-логистической традиции. С другой стороны, поскольку речь идет не просто о структурализме, а о неоструктурализме, то есть таком структурализме, который учитывает опыт постструктурализма и постмодернизма, автор вводит свои термины акцентуированно, продолжая опять-таки работать в режиме романтической иронии, в частности, иронии над своим же стремлением к четкости и исчерпанности.

Книга Александра Сосланда, несмотря на ее критический пафос, представляется чрезвычайно позитивным явлением в современной научной ситуации, а лучше сказать, исключением из этой ситуации безнадежного кризиса, а еще лучше – опровержением расхожего мнения, которого, признаться, придерживался и автор рецензии, что, дескать, русская наука умерла или умирает и ничего иного ждать не приходится. Книга Александра Сосланда убедила меня не только в том, что русская наука еще всех переживет, но и в том, что со временем она займет то достойное место в мире, которое занимала прежде.

ЛИТЕРАТУРА

Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.

Ельмслев А. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике, вып.1, 1960.

Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

Пирс Дж. Элементы логики // Семиотика / Под ред. Ю.С.Степанова. М., 1983.

Руднев В.П. Психотический дискурс // Логос, № 3 (13), 1999.

Шкловский В.Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928.